Наша Газета
nashagazeta.ch

Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

«Наша» Марина Цветаева и «их» Эмили Дикинсон в одном томе | « Notre » Marina Tsvetaieva et « leur » Emily Dickinson dans un seul volume

Автор: Надежда Сикорская, Париж-Лозанна , 11.10.2018.

Марина Цветаева (1892-1941) и Эмили Дикинсон (1830-1886)

Сегодня в книжные магазины Швейцарии поступит новое сочинение Фредерика Пажака, посвященное двум выдающимся поэтессам и выпущенное лозаннским издательством Noir sur Blanc. Накануне этого события мы смогли пообщаться с автором.

|

Le nouvel œuvre de Frédéric Pajak, consacré aux deux immenses poétesses, publié par les Editions Noir sur Blanc, à Lausanne, arrive aujourd’hui dans les librairies suisses. La veille

de cet événement nous avons pu en parler avec l’auteur.

« Notre » Marina Tsvetaieva et « leur » Emily Dickinson dans un seul volume

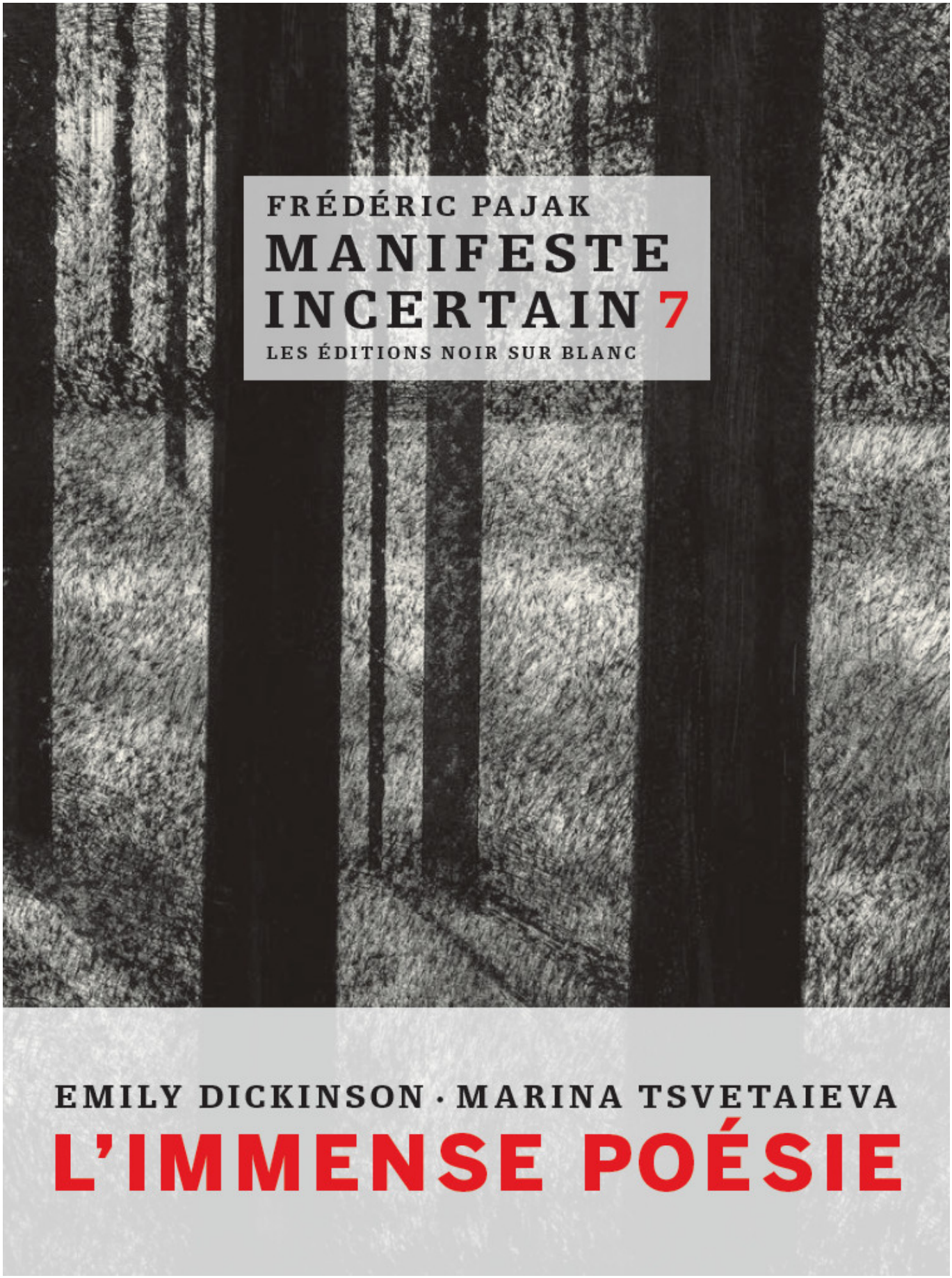
Как бы ни была велика сегодня популярность электронных книг, немало есть еще людей, предпочитающих читать по старинке. К ним относится и автор этих строк, обожающий взять в руки хорошо, на качественной бумаге, изданный том, желательно потолще. Такое ни с чем не сравнимое удовольствие мы испытали несколько дней назад, получив уже седьмой по счету «Неопределенный манифест» Фредерика Пажака.

Для тех, кто не знаком с творчеством этого плодовитого франко-швейцарского писателя и художника, сообщаем, что родился он в 1955 году во Франции. За его плечами более двадцати книг, многие из которых изданы в изобретенном им оригинальном формате, где текст тесно переплетается с рисунками, но при этом ни просто книгой с иллюстрациями, ни тем более комиксами это не назовешь.

Известность к Пажаку пришла после публикации в 1999 году романа «L’Immense solitude. Friedrich Nietzsche et Cesare Pavese, orphelins sous le ciel de Turin» («Необъятное одиночество. Фридрих Ницше и Чезаре Павезе, сироты под небом Турина»). Среди других реальных личностей, ставшими объектами его внимания, были Джеймс Джойс, Вальтер Беньямин, Эзра Паунд, Андре Бретон, Шопенгауэр, Винсент ван Гог (книга о ван Гоге переведена на русский).

Все семь томов «Неопределенного манифеста» вышли в издательстве Noir sur Blanc. За третий из них, «Смерть Вальтера Беньямина. Эзра Паунд в клетке», автор был награжден премией Медичи в номинации «эссе» в 2014-м году и Швейцарской литературной премией в 2015-м.

И вот – новое произведение, ради которого Фредерик Пажак совершил путешествие по необычному с точки зрения туристической индустрии маршруту: Санкт-Петербург, Москва, Казань, Самара, Таруса, Коктебель, Елабуга… На одной из первых страниц мы находим прекрасное определение женской поэзии, которую автор называет «поэзией души»: «Там, где мужчина-стихотворец чаще всего упорно стремится ухватить предметы и существа, поэт женщина отправляется в путешествие в самое себя, в уголки сознания, часто обходимые вниманием. Она черпает вдохновение в малейших сигналах интуиции, в биении сердца, во вздохе. Из этих глубоко запрятанных эмоций она создает хрупкое орудие войны. Войны против устоявшихся мнений, против притворной сентиментальности: каждое слово должно быть извлечено из нутра, из самой его глубины».
Кто бы мог подумать, что на такое определение способен мужчина?



Наша Газета: Продиктован ли Ваш выбор Эмили Дикинсон в качестве одной из героинь тем фактом, что вы родились в один день – 10 декабря?

Фредерик Пажак (смеется): Вовсе нет! Хотя, действительно, я не знаю другого человека, с которым у меня «общий» день рождения.

Если серьезно, почему именно эти две поэтессы? Вы так любите их стихи или Вас привлекла радикальная противоположность их судеб?

Сначала я «познакомился» с Мариной Цветаевой – благодаря ее биографии «Миф и реальность», написанной Марией Разумовской и выпущенной тоже издательством Noir sur Blanc. И с тех пор мечтал написать о ней. А Эмилию Дикинсон я открыл в одной из «Антологий американской поэзии». «Женская тема» заинтересовала меня еще и потому, что меня часто упрекали за то, что в моих книгах нет женщин в качестве центральных персонажей, а только в качестве «сопровождения». Вот я и решил объединить двух этих представительниц разных эпох, разных континентов, диаметрально противоположных судеб.

С «количественной», так сказать, точки зрения, нельзя не заметить, что часть, посвященная Марине Цветаевой, гораздо объемнее. Почему так? Жизнь насыщеннее?

Ну конечно! Эмили Дикинсон провела большую часть жизни в своей комнате – что о ней писать?! Да и пробовали уже не раз, о ней даже роман написан, довольно пустой. Она однажды выбралась в Вашингтон, однажды в Бостон, и все. Ее жизнь прошла незаметно. Марина же Цветаева – готовый персонаж для толстого романа, ее жизнь невероятна, она всегда и везде привлекала к себе внимание, притягивала людей. Кроме того, эта книга позволила мне еще раз напомнить, насколько негостеприимны парижане – я уже поднимал эту тему, когда писал о Вальтере Беньямине. Как и он, живя в Париже, Марина почти не общалась с французами. Правда, с русскими она тоже общалась мало, будучи со всех сторон окружена подозрениями.

Между рассказами об Эмили Дикинсон и о Марине Цветаевой в Вашей книге есть и третья часть, посвященная впечатлениям о современной России. Неужели, так давно интересуясь культурой этой страны, Вы действительно впервые побывали в ней только в этом году?

Представьте себе, да, хотя собирался очень давно! Мое путешествие можно назвать «по следам Марины Цветаевой» - мне было интересно увидеть места, где она жила, гуляла, писала, любила, где она трагически умерла. Я очень много читал о ней, Марина вызывает у меня огромную симпатию, я очень проникся ею…

С точки зрения франкоязычного читателя, возможно, не очень хорошо знающего русскую историю первого половины прошлого века, эта история передана Вами достаточно схематично и сквозь призму жизни Цветаевой. Так и задумывалось?

Именно так. В понимании последних двух лет ее жизни мне очень помог дневник ее сына, Мура – 800-страничный том, ставший для меня одним из главных источников информации. Я был потрясен зрелостью этого совсем молодого человека, его трезвыми суждениями об окружавшем его мире, о политике, о литературе, о большевистской России, о войне. Потрясен его образованностью и тонкостью восприятия.

Фредерик Пажак (© Léa Lund)

На сотой странице Вашей книги, рассказывая о Крыме, Вы задаете риторический вопрос: «А что, если крымчане, в большинстве своем этнические русские, говорящие по-русски, предпочитают Москву Киеву?» Вы не можете не понимать, что такая постановка вопроса расколет Ваших читателей на два лагеря. Это провокация?

Нет, не провокация. Все, с кем мне довелось пообщаться в Крыму, даже украинцы, высказывались в пользу Москвы. Путин не дурак, он построил аэропорт, дороги, огромный порт. Люди предпочитают быть под защитой России, несмотря на всю авторитарность Путина и западную пропаганду. Честно говоря, я сам был удивлен, но это правда, и кто не верит, пусть поедет и сам убедиться. Но при этом все в один голос критикуют Путина, не меньше, чем Горбачева и Ельцина. Во Франции тоже все критикуют Макрона и смеются над ним, но ведь избрали же его!

Давайте вернемся к поэзии, это интереснее. Думаете ли Вы, что в нашем мире, с его ускоренным ритмом жизни, с немедленным доступом к информации, стрессом и прочими «прелестями» для нее еще осталось место и время?

Мне кажется, что ее значение только возрастет! Люди устали от стресса, многие покидают Париж, например. Я сам последовал их примеру и с тех пор, как переехал в Арль, ощущаю себя в другой стране! В книжных магазинах этого городка есть целые отделы поэзии, и люди покупают ее, значит, интерес есть.

Вашу книгу сопровождают Ваши же прекрасные рисунки. Однако мне бросился в глаза некоторый диссонанс между ними и текстом: текст скорее позитивный, даже оптимистичный, а рисунки – грустные, и не только потому, что черно-белые.

Я был в восторге от России, от ее умных, любознательных, гостеприимных людей – никакого сравнения с Францией. Был потрясен ее просторами, ее монументальностью в буквальном смысле слова. Все это трудно отразить в рисунках, тем более в рисунках небольшого формата, а потому я сконцентрировался в них на следах Советского союза в самых разных его проявлениях. Но в страну вашу я, правда, влюбился!

Россия
Статьи по теме
Мемориальная доска Марины Цветаевой в Лозанне вернулась на место
В кузнице Марины Цветаевой

Source URL:
https://nashagazeta.ch/news/culture/nasha-marina-cvetaeva-i-ih-emili-dikinson-v-odnom-tome